

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 172.4 + 321.01 + 341.1/8 + 327.7

А. В. Логинов
М. А. Лихачев

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ: МЕЖДУ СУВЕРЕНИТЕТОМ ГОСУДАРСТВА И ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА*

В статье анализируется теория гуманитарной интервенции в ее отношении к реальным практикам вмешательства в дела отдельных государств, прямо или косвенно санкционированным ООН. Концептуально и отчасти методологически авторы сближают интервенцию и войну (война понимается как наиболее радикальная форма интервенции). В начале статьи кратко реконструируются исторические и нормативные предпосылки, сформировавшие ключевую для юридических оснований допустимости войны антиномию защиты либо суверенитета государства, либо прав человека. Выбрав контрактуализм как теоретическую рамку, позволяющую предварительно разрешить (разрушить) эту антиномию, мы приходим к выводу о том, что в международном праве именно нарушение базовых прав граждан со стороны государства должно было бы быть универсальным и основным оправданием интервенции. Дальнейший анализ политической практики убеждает нас в том, что концепт прав человека *редко* используется для оправдания интервенции и, по существу, *не является* в этой риторике ведущим компонентом. Тем не менее мы показываем, что классический политический реализм государственного интереса как оптика осмысления интервенции также нуждается в защите, поскольку допущение о том, что именно государства являются доминирующими субъектами международного права, сегодня ставится под сомнение. В заключение мы формулируем методологические проблемы современной нормативной политической теории как проблемы выбора «приоритетного субъекта» международного права.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гуманитарная интервенция, *jus ad bellum*, легитимность, суверенитет, государство, права человека, контракт, *casus belli*, ООН.

23 мая 2019 г. сотрудники и студенты департамента философии и департамента международных отношений Уральского федерального университета и представители Центра международного и европейского права Уральского государственного

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 18-18-00216).

юридического университета участвовали в заседании дискуссионного клуба, организованного СНО кафедры теории и истории международных отношений Уральского гуманитарного института УрФУ. Тема дебатов — гуманитарная интервенция, ее юридические, политические и моральные основания и ограничения. В ходе полемики участники рассуждали о том, является ли международное право оптимальным инструментом разрешения конфликтов, какие философские теории лучше объясняют, что такое суверенитет государства и стоит ли рассматривать именно государства как главных акторов международной политики; каковы методологические приемы, морально-нравственные и юридические основания, позволяющие обосновать гуманитарное вмешательство в дела другой страны. Данная статья — рефлексия над ключевыми аргументами участников круглого стола и развитие тезисов авторов, прозвучавших во время дебатов. Мы уделим внимание прежде всего радикальной (насильственной) форме гуманитарной интервенции, то есть вооруженным действиям во имя защиты прав человека. Неклассические (гибридные, информационные) войны, а также гуманитарная интервенция в виде гуманитарной помощи (от которой можно отказаться) — вне пределов нашего анализа. Первоочередная задача статьи — исследование того, как и насколько эффективно работает система международного права в вопросах нарушения суверенитета государств в условиях вторжения на его территорию и чем, помимо экономических интересов, такое вторжение может быть оправдано.

Что такое «справедливая война»? Каждая ли справедливая война как радикальная форма интервенции легитимна? Всегда ли несправедливая война неправомерна, в том смысле что нарушает международное право? Казалось бы, ответ на эти вопросы лежит на поверхности и для их разрешения нам даже не нужно вникать в имеющиеся подходы (пацифизм, милитаризм, реализм и теории справедливой войны¹) и их восприятие в СМИ². Однако детальное рассмотрение проблемы с философских и юридических позиций оставляет неоднозначное впечатление.

С точки зрения современного международного права война, понимаемая как применение силы одним государством против другого, *de lege lata* запрещена. Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. категорично предписывает всем ее членам (то есть государствам) воздерживаться в «их международных отношениях от угрозы силой или ее применения *как против территориальной неприкосновенности или политической независимости* любого государства, так и каким-либо другим образом, *несовместимым с Целями Объединенных Наций*» (параграф 2 статьи 4 Устава ООН) (здесь и далее курсив наш. — А. Л., М. Л.) [8].

Во-первых, установленный запрет хотя и является результатом закономерного развития межгосударственной системы, все же лишь во второй половине XX в. стал частью т. н. *jus inter gentes naturale*. Еще в XIX в. вооруженный конфликт

¹ Справедливая война — предмет целого ряда исследований в англо-американской политической философии. Классическим трудом считается книга М. Уолцера «О справедливых и несправедливых войнах» 1977 г. [24], см. также работу Б. Орента [21]. Среди работ отечественных авторов следует отметить в первую очередь статью Р. Г. Апресяна [1], сборник под редакцией Б. Коппитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна [7], статью Б. Н. Кашникова [6].

² См., к примеру, замечательный ликбез от философа Алексея Куманькова из ВШЭ, Москва [5].

рассматривался в качестве адекватного средства разрешения противоречий между государствами. Лишь на рубеже веков по итогам Гаагских конференций мира (1899–1907) приняты первые акты, закрепляющие механизмы мирного урегулирования споров³. Вехой явился пакт Бриана–Келлога 1928 г. (Парижский трактат), запрещающий прибегать к войне в качестве «орудия национальной политики». Однако даже такие нормативные решения, дополненные механизмом Лиги Наций, не стали эффективной гарантией предупреждения очередного глобального конфликта, унесшего жизни десятков миллионов людей.

Во-вторых, современный запрет на применение силы в отношениях между государствами не является абсолютным правилом. Статья 51 Устава ООН признает за каждым государством его «[неотъемлемое право] на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации». Статья 39 в связке со статьей 42 Устава ООН предусматривает «действия [по разрешению Совета Безопасности ООН] воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми *для поддержания или восстановления международного мира и безопасности*» (статья 42 Устава ООН).

В-третьих, запрещая применение силы через установление оснований *jus ad bellum*, современное международное право исходит из неизбежности вооруженных конфликтов между государствами (чуть позже и внутри государств⁴). Именно потому оно регулирует, как эту силу можно применять (*jus in bello*). Парадокс такого *modus operandi* едва ли объясним с юридических позиций. Война запрещена, однако она неискоренима, потому меньшим из зол будет ограничить государства в ее средствах и методах.

В-четвертых, международно-правовой запрет на применение силы не категоричен в его конвенционно-текстуальном воплощении. Напомним: параграф 4 статьи 2 Устава ООН запрещает государствам прибегать к применению силы в отношениях друг с другом и действовать «*каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций*». И хотя большинство комментаторов сходятся в оценке указания на объект вооруженного посягательства в качестве «catch-all phrase» [17] (всеобъемлющей категории), применение силы не исключено таким образом, который «совместим с Целями Объединенных Наций»⁵.

³ Гаагская конференция 1899 г. завершилась принятием трех конвенций и трех деклараций, среди которых конвенции о мирном урегулировании международных столкновений и о законах и обычаях сухопутной войны. Итогом конференции в Гааге 1907 г. стало принятие уже 13 конвенций и одной декларации, среди которых конвенции о мирном решении международных столкновений, об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, о законах и обычаях сухопутной войны, об открытии военных действий.

⁴ Речь идет о проблеме статуса международного гуманитарного права *per se*. Если Устав ООН и общее международное право запрещают войну, тогда каково назначение отдельного массива норм, регулирующих законы и обычаи войны: «порой утверждается, что, регламентируя применение силы, [международное гуманитарное право] его легализует» [10, 75]? Международное гуманитарное право охватывает группы норм, составляющих право Гааги (указанные Гаагские конвенции) и право Женевы. Последнее включает четыре Женевские конвенции о защите жертв вооруженных конфликтов 1949 г. и три дополнительных протокола к ним, два из которых посвящены защите жертв международных и немеждународных вооруженных конфликтов (1977).

⁵ На возможность ограничительной трактовки уставного запрета войны обращали внимание участники конференции [22]. Великобритания в деле Корфу (против Албании) также пыталась ограничительно

Однако обращение к целям ООН не разрешает проблему. Их перечень предельно широк и, по существу, охватывает любую область межгосударственного сотрудничества (а значит, и теоретически любой мотив государственного поведения): 1) «поддерживать международный мир и безопасность»; 2) «развивать дружественные отношения между нациями»; 3) «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем... и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех» и 4) «быть центром для согласования действий наций в достижении этих общих целей» (статья 1 Устава ООН).

Итак, мы показали, что международное право более или менее определенно *запрещает* государствам прибегать к силе или угрозе ее применения во взаимных отношениях и тем самым посягать на политическую независимость или территориальную неприкосновенность друг друга. Поэтому, на первый взгляд, вслед за системой ООН несправедливой следует признать такую войну или вооруженное вмешательство, которые нарушают суверенитет государства. Однако наш тезис состоит в том, что на уровне международных норм речь идет прежде всего о допустимости или недопустимости (неправомерности) войны и в меньшей степени — о ее *справедливости*. С позиций международного права война может быть правомерной (и тогда она облекается в юридическую форму самообороны, вооруженных санкций) и противоправной (в виде агрессии, вооруженного нападения), но едва ли такая правовая оценка войны предрешает вывод о ее справедливости и (или) ее оправданности, поскольку на уровне моральных интуиций *самих людей* можно допустить как моральное оправдание права на войну/интервенцию, так и моральное осуждение сопротивления (самообороны).

Мы полагаем, что логика разрешения сформулированной выше проблемы состоит в различении уровней объектов правовой регуляции и последующей реконструкции генезиса государственного суверенитета. Подчеркнем, что международное право традиционно является правом государств — суверенных образований, политических форматов общественной организации⁶. Несмотря на преобладание в актуальном международно-правовом дискурсе либеральной, неолиберальной и даже ультралиберальной риторики, *международное право как было, так и остается правом, оформляющим межгосударственное взаимодействие, создаваемым прямо или опосредованно государствами в их же интересах.*

толковать запрет на применение силы по Уставу ООН, утверждая, что такой запрет касается только действий, прямо затрагивающих политическую независимость или территориальную целостность другого государства. Такой подход решительно отверг Международный суд ООН, разрешающий спор между Великобританией и Албанией (см. параграф 35 *Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v Albania)* (Merits) [1949] ICJ Rep 4).

⁶ На официальном сайте Организации Объединенных Наций в разделе «Что такое международное право?» указано: «Международное право определяет правовые обязанности *государств* в их взаимоотношениях друг с другом, а также обращения с отдельными *физическими лицами в рамках государственных границ*. Это касается широкого круга вопросов, находящихся под пристальным вниманием международного сообщества, таких, как права человека, разоружение, международная преступность, беженцы, миграция, проблемы гражданства, обращение с заключенными, применение силы, ведение войны и проч. В сферу действия международного права также входят такие глобальные вопросы, как, например, окружающая среда, устойчивое развитие, международные воды, космос, глобальные коммуникации и мировая торговля» [8].

Как отмечает Д. Любан, акцент на государстве как субъекте международного права имел вполне прагматические причины [20, 162–163]: после Первой и Второй мировых войн концепт суверенитета государства должен был сдерживать любую потенциальную возможность эскалации конфликтов. Суверенность государства — это нечто большее, чем его самостоятельность и даже независимость, которые в юридическом воплощении свойственны всем равным субъектам права. Суверенитет исключает верховенство кого бы то ни было над государством, внешне являющим собой *ultima imperium*. Вестфальская парадигма все еще сильна сегодня: принципы *par in parem imperium non habet* и *pacta sunt servanda* как основания юридической обязательности международного права проистекают из суверенитета государств и укрепляют его в применении. И именно здесь исследователями фиксируется расхождение юридического понимания проблемы с тем, как видит суть дела нормативная политическая теория. Согласно последней «...война всегда предполагает наличие моральных категорий» [14, 238]. Дефиниции международного права с точки зрения нормативного подхода нечувствительны к легитимности государства и политического режима: «концепт суверенитета морально недееспособен не потому, что применим к нелегитимным режимам, а потому, что он нечувствителен к полному пониманию легитимности» [20, 166].

Это означает, во-первых, что не каждое государство в лице его правительства *по каким-то «полным» морально-нормативным причинам* обладает той самой суверенностью, о которой мы писали выше, что открывает широкое поле для дискуссий о природе легитимности, и, во-вторых, должно существовать нечто в рамках юридического же подхода, позволяющее «технически» заключить суверенитет государства в «скобки» и оправдывать международную интервенцию. Нам кажется, что оба аспекта (философский — о полной легитимности и юридический — о приоритетности прав) связаны. Например, последовательный методологический индивидуализм способен подсказать решение⁷: поскольку война государств — это в конечном счете война людей, то права государств (как институтов) на войну и на защиту суть набор делегированных прав, то есть таких прав, что выводимы из прав самих людей и вторичны по отношению к ним; следовательно, наша моральная интуиция состоит в том, что, во-первых, только легитимные государства обладают такими правами (на войну и защиту)⁸ и, во-вторых, само оправдание войны должно быть оформлено именно в логике защиты/нарушения прав людей.

Легитимность предполагает согласие объединенных в общность людей с тем, что происходит и как это происходит. Данное согласие (контракт) может быть эксплицитно выражено или молчаливо подразумеваться самим фактом того, что

⁷ Онтологический холизм и установка на солидарность, поддерживаемая коммунитаризмом, вполне могут привести к другой формуле расчета «оправданной войны».

⁸ Интересная попытка совместить легитимность и легальность предпринята профессором международного права В. Л. Толстых в материале о крымском референдуме и последующем присоединении Крыма к России. Пытаясь ответить на вопрос с позиций международного права, автор обращается к концепции общественного договора и формулирует достаточно стройные и аргументированные выводы о легитимности крымского прецедента и, по всей видимости, его международной правомерности [9, 42–43].

люди живут той жизнью, которой живут, и нет видимых причин думать, что они ею недовольны. «В течение длительного времени разделяемый опыт и совместная деятельность разного рода формируют общую повседневность людей. “Контракт” — это метафора для процесса объединения и взаимодействия», — утверждает М. Уолцер [24, 54].

В истории политической философии можно обнаружить два типа такого контракта, вслед за Х. Арендт их называют «горизонтальным» или «вертикальным» контрактом. В первом случае контракт — это согласие людей на то, чтобы жить сообща вне и до государственных форм (договорная концепция происхождения государства у Д. Локка). Государство будет «продолжением» общества, еще одним его институтом: суверен — народ, он же — носитель суверенитета. Вертикальный контракт имеет место, когда люди делегируют свою суверенность «наверх», в варианте Т. Гоббса — чтобы элементарно выжить.

Англо-американская политическая теория последовательно придерживается версии Локка как логического условия любых других версий: у государства субъектные права есть только потому, что ему их делегируют уже объединенные в общность индивиды; общность же имеет субъектные права только как производные от прав индивидов, такую общность составляющих. Народ (нация как политическая общность) — «более-менее постоянный базис любого государства, что управляет ей» [20, 169], поэтому государство (как носитель специфических или привилегированных прав, делегированных в том числе и через «вертикальный» контракт — например, право на применение силы) будет легитимно только при согласии людей.

Такой подход не только разделяется авторами философских концепций, но и нашел отражение в позитивном международном праве. Хрестоматийный пример — Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г. К числу конститутивных признаков государства международный акт относит публичную власть, население, территорию и способность поддерживать международные отношения. Первая и последняя характеристики — проявления суверенитета, территория — его материальная база, население — первичный носитель⁹.

Конечно, вопрос о соотношении и взаимодействии государства и общества формирует отдельную повестку исследований в рамках философии права. Механизм легитимации политических решений в обществах, разделенных по этническому или религиозному признаку, может быть непривычно сложным, например, представлять собой институционально закрепленную формулу последовательно реализуемых этапов общественных и экспертных обсуждений. Тем не менее базовым тезисом классической нормативной политической теории остается идея о том, что между общностью людей (нацией, гражданами) и государством (в форме правительства, которому делегирован ряд особых прав через контракт) должно быть сущностное соотношение, иначе юридическая сторона вопроса о войнах

⁹ Проблема легитимности правовых ситуаций достаточно остро стоит в международно-правовом дискурсе, в частности — среди разделов науки международного права, изучающих вопросы о признании государств и правительств, международной ответственности и критериях присвоения поведения государству.

(уровень международного права) редуцируется к нарушению прав институтов (которых, по существу, у них как у абстракций и интеллектуальных феноменов нет) и теряет всякий человеческий смысл.

Такая постановка проблемы характерна и для международно-правового дискурса, по крайней мере на его доктринальном уровне: позитивизм и реализм международного права, теория эффективного толкования, концепция функционального иммунитета государства. Похожую позицию высказал В. Л. Толстых, рассуждая о связи позитивистской риторики международного права с реальностью: «...Любые международные [правовые] стандарты... имеют ценность, если они обеспечивают соответствие решения... действительной *воле народа*. Если же они ставят результаты... в зависимость от одобрения или согласия внешних по отношению к народу субъектов, их [стандартов] действие должно быть исключено» [9, 43].

Возвращаясь к философскому измерению проблемы: что удостоверяет, что вертикальный контракт легитимен? Согласие людей. Государство, не основанное на согласии, нелегитимно. Но как установить отсутствие согласия? Ведь сам факт существования нации (народа) не является существенным свидетельством легитимности государства, иначе бы она распространялась на любой его (легальный) тип. Более того, признание нелегитимных государств может быть вполне разумно с точки зрения международных отношений, но необязательно *морально* в свете нормативной теории.

И здесь общепринятым является ход в логике процедурного либерализма, когда концепт «права человека» насыщается и содержательным, и «процедурным» значением. Например, Д. Любан предлагает разграничить базовые и другие права людей. Базовые (основные) права человека универсальны по сфере охвата. Это такие права, при которых бенефициары — все люди, и все люди должны эти права соблюдать. Эти права первичны с точки зрения логического следования: именно реализация базовых прав — средство удовлетворения (приобретения) остальных прав человеком [20, 174]. Это так называемый разумно признаваемый всеми минимум: право на жизнь, свободу от гонений, здоровую окружающую среду и адекватный уровень жизни. Иные, кроме базовых, права человека — те, которыми он может воспользоваться, если соблюдены первичные права. Следовательно, мы наконец-то получаем четкий критерий справедливой войны (интервенции): это война либо за сохранение базовых прав, либо против агрессии, направленной на существенное ухудшение базовых прав (людей)¹⁰.

Не вдаваясь в подробности международно-правовой теории прав человека, с определенностью можно заявить, что сторонники гуманитарной интервенции как вооруженного нападения одного государства на другое в случае нарушения последним прав человека так же исходят из того, что речь идет не о любых правах и не о любых нарушениях. Гуманитарное вмешательство *de lege ferenda* допустимо

¹⁰ Пропорциональность, как правило, справедливой войны применяется к *jus ad bellum*: необходимо существенное нарушение базовых (не «дополнительных») прав, чтобы было морально оправданно прибегнуть к войне. И парадокс состоит в том, что во время войны (*jus in bello*) справедливость «тает», поскольку реализация военных действий неизбежно влечет за собой нарушение базовых прав. Подробнее о различии требований справедливости к *jus ad bellum* и *jus in bello* см. [2, 456–457].

при соблюдении пяти содержательных (материальных и процессуальных) условий [17]: 1) в государстве — объекте нападения — имеет место «чрезвычайная гуманитарная ситуация», «гуманитарная катастрофа», «кризис», «трагедия»; 2) такое государства не способно или не желает устранить последствия катастрофы и исправить сложившуюся ситуацию (т. н. inability-unwillingness test); 3) субъектом, предпринимающим меры, исчерпаны все иные возможности мирного (ненасильственного) разрешения проблемы; 4) предпринимаемые меры являются необходимыми и безальтернативными с точки зрения преследуемой цели — защиты прав человека и восстановления гуманитарного мира в стране; эта же цель ограничивает пределы осуществляемых интервенционных мероприятий; 5) такая операция предпочтительна в коллективной форме.

Вне зависимости от понимания каждого конкретного условия очевидно, что международное право воспринимает гуманитарную интервенцию в интерпретации ее сторонников как *ultima ratio*, как экстраординарное средство защиты прав человека. Очевидно, гуманитарную катастрофу не может спровоцировать массовое и грубое нарушение свободы слова или права на образование: речь идет об определенной группе экзистенциальных прав, когда само существование индивидуумов поставлено под угрозу.

Такое понимание справедливой войны при условии соблюдения нами логики контрактуализма дает возможность избежать сравнения несравнимого, когда на одной чаше весов оказываются базовые права *людей* и права *государства*. Наоборот, предстоит сравнить объем нарушаемых базовых прав людей, граждан разных государств в случае столкновения интересов *между* государствами и объем нарушаемых базовых прав внутри государства, которые предполагается восстановить за счет внешнего вмешательства с ожидаемой *ценой* этого восстановления в базовых правах. С учетом того что интересы государства вполне могут быть направлены на поддержание базовых прав своих граждан и даже на улучшение качества жизни, формула справедливого *casus belli* должна содержать «поправочные коэффициенты», позволяющие конкретизировать базовое право на достойную жизнь за счет апелляции к обоснованному для территории и исторических условий прожиточному минимуму. В последнем случае подразумевается не только некоторый уровень заработка, но и общий стандарт жизни, соответствующий критериям достаточности и достоинства личности.

Именно поэтому один из современных социологов сразу же за проблемой войны упоминает проблему неравенства доходов *внутри* стран как вызов для ученых [19, 12]. Государство должно прежде всего за счет *своих ресурсов* гарантировать прожиточный минимум всем гражданам (мы оставляем пока в стороне вопрос о том, как и кем он определяется). В этом смысле война за ресурсы с другим государством (обладающим большими, чем того требует простое выживание, средствами) при острой нехватке своих собственных благ действительно будет крайней мерой во внешней политике. М. Уолцер, например, оправдывает войны за выживание, которые вели с Римской империей племена, вытесняемые на запад и требовавшие земель для поселения, — у них не оставалось никакого выбора [24, 27].

Таким образом, если оставить «за скобками» крайнюю нужду в материальных ресурсах для физического выживания (экономический аргумент), сигналом к справедливой войне остается *массовое* нарушение базовых прав и открытая борьба людей *со своим государством* за соблюдение этих прав. Так, по Уолцеру, геноцид, массовые расстрелы, резня и порабощение граждан — единственный обоснованный повод для международного вмешательства [24, 87–91]. «Незаметная» же потеря государством легитимности, по сути, никак процедурно не фиксируется. Неясно, какой должна быть утечка (приток), репрессия (поддержка) мозгов, капиталов, идей, чтобы заявить, например: государство по итогам второго квартала приобрело либо потеряло 10 % легитимности. В этом контексте мы полагаем интересным рассмотреть, какие аргументы *реально* приводили государства в обоснование гуманитарного вмешательства.

Прежде важно определиться с потенциальным кругом ситуаций, которые можно было бы гипотетически отнести к группе гуманитарных интервенций. В теории и практике международного права сформировалось два подхода к этому явлению. В широком смысле под такой интервенцией понимается любая угроза силой или ее применение государствами по гуманитарным основаниям. В таком случае всякий вооруженный конфликт с целью защиты прав граждан является гуманитарным.

Закономерный вопрос: что принципиально нового с точки зрения рассматриваемого *jus ad bellum* и *casus belli* дает такая концепция? Поторопимся с ответом: ровным счетом ничего. При таком понимании среди группы военных столкновений государств мы лишь выделим отдельную подгруппу. При такой постановке проблемы вопрос о том, дают ли правозащитные мотивы дополнительный *юридический casus belli*, риторичен.

Совершенно другая ситуация при узком рассмотрении категории гуманитарной интервенции. Как уже указывалось выше, международное право предусматривает общий запрет на применение силы между государствами, предполагающий два исключения — резолюцию Совета Безопасности ООН (статьи 39, 42 Устава ООН) и действия государства-жертвы вооруженного нападения в порядке самообороны (статья 51 Устава ООН)¹¹. Гуманитарная интервенция в узком смысле являет дополнительное (в нашем случае третье) основание для отступления от установленного международного запрета на войну. Такая интервенция предполагает вооруженное вмешательство одного государства во внутренние дела другого государства с целью защиты населения от массового и грубого нарушения прав человека в отсутствие резолюции Совета Безопасности ООН и соображений самообороны у претерпевающего вторжение государства.

В отличие от широкого толкования обоснование гуманитарной интервенции *stricto sensu* и отстаивание ее права на международно-правовое существование коренным образом меняет традиционную концепцию силы, отраженную в Уставе ООН. Тем не менее практика диктует свое.

¹¹ В доктрине и на практике выдвигаются еще так называемые «неклассические» основания для применения силы по международному праву: защита государством собственных граждан за рубежом и интервенция по приглашению. Эти вопросы — за пределами исследования в настоящей работе.

Юристы-международники обычно рассматривают чуть более десятка ситуаций, подпадающих, по крайней мере внешне, под признаки гуманитарной интервенции (в специальном и самостоятельном значении) [13, 167–214]. Вторжение Индии в Пакистан в 1971 г., Танзании в Уганду в 1978 г. и Вьетнама в Кампучию в 1978 г. юридически обосновывалось государствами, вероятными агрессорами, в качестве действий в порядке самообороны со ссылкой на имевшееся до этого или потенциальное вооруженное нападение со стороны жертвы. А первая ситуация и без того была решительно осуждена Генеральной Ассамблеей ООН [23, 640–645]. Здесь гуманитарные соображения отошли на второй план.

Интервенция Франции в Центрально-Африканскую Республику в 1979 г., как и военная операция сил Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) в Либерию в 1990-е гг., были легализованы *ex post facto* резолюциями Совета Безопасности ООН [12, 935–962], что сняло в свое время необходимость обоснования правомерности действий ссылками на гуманитарные основания *in fine*.

Осужденное резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН применение силы Соединенными Штатами Америки против группы центрально-американских государств (Гренады и Панама в 1983 и 1989 гг. соответственно) оправдывалось американцами ссылками на необходимость защиты собственных граждан за рубежом и вероятного приглашения легитимного правительства [15, 120–143]. Гуманитарные соображения, очевидно, не играли главную роль в аргументации Вашингтона.

Бомбежка Ирака в 1991 и 2003 гг. силами Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Франции оправдывалась резолюциями Совета Безопасности ООН, хотя и не дававшими такого права заинтересованным государствам, но установившими так называемые «no-fly zones» («бесполетные зоны») и «safe havens» («пространства безопасности») на иракской территории¹².

В случае с Сомали (1992), Боснией и Герцеговиной (1993), Руандой (1994), Албанией (1997) и Восточным Тимором (1999) имелись резолюции Совета Безопасности ООН, содержащие указание на возможность применения «all necessary means» («любые необходимые меры») для восстановления международного мира и безопасности¹³. Такая формулировка традиционно рассматривается в качестве *carte blanche* и бесспорного *casus belli* для заинтересованных государств.

Наконец, югославский прецедент, когда гуманитарная интервенция прямо заявлялась в контексте *jus ad bellum*. Массовое и грубое нарушение прав человека, гуманитарная катастрофа на югославской территории явились основанием для бомбардировок федеративной республики со стороны Организации Североатлантического договора (НАТО) в 1999 г.¹⁴ Однако даже в этой хрестоматийной в контексте гуманитарной интервенции ситуации страны-инициаторы заняли нерешительную позицию. США ссылались на ряд оснований, не ограничиваясь только гуманитарными соображениями. А ближайшие союзники Вашингтона

¹² См.: UNSC Res 660, 1990; Res 678, 1990; Res 688, 1991.

¹³ См.: UNSC Res 794, 1992; UNSC Res 940, 1994; UNSC Res 929, 1994; UNSC Res 836, 1993; Res 1031, 1995; Res 1088, 1996; Res 1101, 1997; UNSC Res 1264, 1999.

¹⁴ См.: UNSC Res 1160, 1998; Res 1199, 1998; Res 1203, 1998.

Германия и Бельгия определенно заявили, что имевший место случай «must not become a precedent» («не должен стать прецедентом») [16]. Нерешительность западных государств оттенялась категоричным неприятием рядом государств, не состоящих в НАТО, принятых в отношении Югославии мер [Там же, 824–862].

Состоятельность концепции *обязательной* гуманитарной интервенции как таковой была значительно подорвана последующей нормативной практикой. Попытка легализовать гуманитарную интервенцию как дополнительное основание для применения силы обернулась разработкой под эгидой ООН альтернативного подхода *R2P* («Responsibility to Protect», «Ответственность по защите») [25]; *R2P* подтвердила традиционную модель Устава ООН о возможности применения силы в порядке самообороны и на основании резолюции Совета Безопасности ООН — даже при наличии прочных гуманитарных соображений¹⁵.

Один из редчайших недавних примеров ссылки государства на гуманитарную интервенцию как на основание применения силы — атака предположительных баз химического оружия на сирийской территории, предпринятая Соединенными Штатами, Великобританией и Францией в апреле 2018 г. Единственное в этой ситуации государство, решившееся прямо выдвинуть правовые аргументы, — Соединенное Королевство. Лондон заявил, что имеет права «на основании международного права в исключительном порядке принять меры для предотвращения серьезной гуманитарной катастрофы. Правовым основанием для применения силы является гуманитарная интервенция, требующая соблюдения трех условий:

1) должны быть убедительные для международного сообщества доказательства существования чрезвычайной и широкомасштабной гуманитарной ситуации негативного характера, требующей неотложных и решительных мер;

2) должно быть объективно ясно, что практические альтернативы применению силы для спасения жизней отсутствуют;

3) применяемая в таком случае сила должна быть сопряжена с задачей разрешения гуманитарной катастрофы, пропорциональна ей и должна быть строго ограничена такой целью по времени и содержательно»¹⁶.

Любопытно, что по-школярски стройная концепция англичан не нашла поддержки даже у союзников по операции — у Вашингтона и Франции, отдавших предпочтение «юридическому» молчанию и политическим лозунгам [18]. Итак, практика применения концепции гуманитарной интервенции убеждает: государства не готовы определенно и ясно признать необходимость вооруженного вторжения в случае массового и грубого нарушения прав человека. Даже в редких ситуациях применения силы правозащитным соображениям отводилась второстепенная роль в политической риторике, и указывались они в комплексе с другими, более убедительными, по мнению государств, «классическими» основаниями для вооруженного нападения.

¹⁵ См.: 2005 World Summit Outcome, para. 139. UNGA Res A/RES/60/1 // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_60_1.pdf. (дата обращения: 01.05.2019) [8].

¹⁶ См. официальную позицию правительства Соединенного Королевства по поводу действий в Сирии [26].

Таким образом, мы рассмотрели возможности и границы модели оправдания интервенции, построенной на ценности прав человека как альтернативе юридическому пониманию условий *jus ad bellum*. В центре нашего внимания оказались философский контрактализм как способ преодолеть логическую дихотомию «суверенитет государства — права человека» и, как следствие, проблема легитимности государства. Мы выяснили, что в рамках представленной англоязычной нормативной теории базовых прав человека критерий нелегитимности может быть сформулирован только в общем и отчасти редуцированном виде: об отсутствии легитимности напрямую свидетельствует наблюдаемое нарушение базовых прав людей. Однако парадоксально, что даже этот (общий) критерий оправдания интервенции не является ведущим в риторике, оправдывающей реальную практику интервенций в современности. Мы также показали, какие конкретно юридические нормы международного права были изначально ослаблены в пользу сильных игроков (государств) после Второй мировой войны. Поскольку теоретическая рамка с дихотомией «суверенитет государств — права людей» не охватывает либо не в полной мере интерпретирует реальную политическую практику, мы приходим к выводу, что имеет смысл изменить саму оптику рассмотрения и концептуализации конфликта и согласия на международном уровне: сегодня, возможно, следует сосредоточить усилия ученых на осмыслении притязаний новых фигур быть основными субъектами (и игроками) на поле международного права¹⁷. Будущее покажет, что будет усилено в дальнейшем — статус привычных нам игроков на международной арене, статус новых игроков или само международное право в его стремлении защищать именно права человека.

1. Апресян Р. Г. Метанормативное содержание принципов справедливой войны // Полис. 2002. № 3. С. 385–403.

2. Апресян Р. Г. Справедливой войны принципы // Этика : энцикл. слов. М., 2001. С. 456–457.

3. Буше-Солье Ф. Практический словарь гуманитарного права / пер. с фр. М., 2017.

4. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М., 2011.

5. Как человечество училось убивать: Интервью с философом о войне [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/kumankov-interview/> (дата обращения: 30.05.2019).

6. Кашиников Б. Н. Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юрид. журн. 2012. № 11. С. 22–29.

7. Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры / под ред. Б. Копшпитерса, Н. Фоушина, Р. Апресяна. М., 2002.

8. Сайт ООН на русском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 01.05.2019).

9. Толстых В. Л. Воссоединение Крыма с Россией: правовые квалификации // Евраз. юрид. журн. 2014. № 5(72). С. 40–46.

10. Толстых В. Л. Курс международного права : учеб. М., 2010.

11. Эпоха цифровых государств: как Facebook, Google и Amazon выигрывают войну с правительством США [Электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/corporations-vs-state/> (дата обращения: 05.06.2019).

¹⁷ См. [11].

12. *Al-Naumi N., Meese R.* (eds). International Legal Issues Arising under the United Nations Decade of International Law, Nijhoff, The Hague, 1995.
13. *Chesterman S.* Just War or Just Peace? : Humanitarian Intervention and International Law. OUP Oxford, 2001.
14. *Dreveskracht R.* Just War and International Law: An Argument for a Deontological Approach to Humanitarian Law // Buffalo Human Rights Law Review. 2010. Vol. 16.
15. *Gray C.* International Law and the Use of Force. 3rd ed. OUP Oxford, 2008.
16. *Henkin L., Wedgwood R., Charney J., Chinkin C., Falk R., Franck T., Reisman W.* Editorial Comments: NATO's Kosovo Intervention, 1999, 93 AJIL.
17. *Loewe V., Tzanakopoulos A.* Humanitarian Intervention // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Oxford Public International Law, 2019.
18. *Milanovic M.* The Syria Strikes: Still Clearly Illegal [Electronic resource] // EJIL: Talk!. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-syria-strikes-still-clearly-illegal/> (accessed: 01.05.2019).
19. *Inglehart R.* There is a crucial social need for competent social scientists // Changing Societies and Personalities. 2017. Vol. 1, № 1. P. 12–26.
20. *Luban D.* Just War and Human Rights // Philosophy and Public Affairs. 1980. Vol. 9, № 2. P. 162–163.
21. *Orend B.* The Morality of War. Peterborough, 2006.
22. *Pomper S.* Trump vs. International Law: The Challenge of Articulating a Legal Framework for Humanitarian Intervention [Electronic resource]. URL: http://opiniojuris.org/2018/10/05/trump-vs-international-law-the-challenge-of-articulating-a-legal-framework-for-humanitarian-intervention/?fbclid=IwAR3nojj8vln061EZLC-sTnMR3lpXJ72A-d_OKHMT7zp1umj-No-MyloUptl8 (accessed: 01.05.2019).
23. *Schachter O.* The Legality of Pro-Democratic Invasion. 1984, 78 AJIL.
24. *Walzer M.* Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. Basic Books, 1977.
25. *Winkelmann I.* Responsibility to Protect // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Oxford Public International Law, 2019.
26. Syria action — UK government legal position [Electronic resource]. URL: www.gov.uk/government/publications/syria-action-uk-government-legal-position/ (accessed: 20.05.2019).

Рукопись поступила в редакцию 17 июня 2019 г.